

Василий Сигарев

ПЫШКА

Пьеса в двух действиях по мотивам одноимённой новеллы Ги де Мопассана.

Действующие лица:

Элизабет Руссе, она же «Пышка»

Корнюде, молодой человек

Чета Луазо

Чета Юбер де Бревиль

Прусский офицер

Хозяин «Торговой гостиницы», Фоланви

Двое монахинь-сиамских близнецов с чётками

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

В ту ночь шел снег.

«Белые мелькающие хлопья всё падали и падали на землю; они стерли очертания, опушили предметы льдистым мхом; и в великом безмолвии затихшего города, погребённого под покровом зимы, слышался лишь зыбкий, неясный, неизъяснимый шелест падающего снега, - скорее ощущение звука, чем самый звук, лёгкий шорох белых атомов, которые, казалось, заполняли всё пространство, окутывали весь мир».

А город тот, где шёл снег, назывался Тот. И стоял на его окраине постоянный двор «Торговая гостиница». И хозяйничал в той гостинице хозяин по имени Фоланви. И был этот самый Фоланви огромный, толстый и жёлтый, как тыква и страдал он от непонятной болезни, когда всё тело чешется, а паразитов каких-либо не обнаруживается. И вот в тот самый день, когда шёл снег, сидел Фоланви на первом этаже своего заведения, среди корявой нетесаной мебели, среди груд расколотой посуды на полках, среди кучек мышинного помёта, среди толстого слоя рыбных, цыплячьих, гусиных, индюшачьих, бараньих, говяжьих, лягушачьих, голубиных и свиных костей на полу. Сидел Фоланви и чесался. Чесался и сидел.

А снег всё шёл и шёл.

И длилось это уже час или два. А может и несколько дней.

Но вдруг...

Дверь распахнулась. Впустила ветер, липкий снег, черную кошку с белой гривой, мокрую рваную газету и несколько человек людьми - женщинами, мужчинами и одной или двумя монашками-сиамскими близнецами с чётками. Монашки, не смотря на то, что они и были близнецами, совсем не были похожи друг на друга. Одна была древняя старуха, с ввалившимися глазами, другая – совсем юная и свежая девочка. Кроме всего прочего, вместе с людьми, впустила дверь и множество всевозможных котомок, узелков, картонок, шляпных коробок, корзинок и саквояжей.

Дверь снова закрылась.

Ветер сбежал. Снег упал на пол и растаял. Кошка прыгнула за шкаф и исчезла. Котомки, узелки, картонки, шляпные коробки, корзинки и саквояжи полетели в угол. Люди, включая монашек-сиамских близнецов с четками, принялись отряхаться, переговариваясь.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. (Она длинная и худая, как палка. Имеет усики. Говорит басом.) Во имя всего святого сборища, с моей стороны так дуло, что я обморозила всю левую половину правой стороны спины!

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. (Она маленькая, как пивная кружка. Пищит.) Не говорите! Просто безобразие какое-то! Кто только позволил так бесчинствовать погоде?!

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА. (Высокий, стройный, но с сифилическим носом.) Бардак просто! Такого не было, если мне не изменяет память, лет сто. Или двести...

ВТОРОЙ МУЖЧИНА. (Очень головастый, но мозг, видимо, не занимает все пространство ему уготованное.) Это всё из-за войны. Правительству некогда заниматься таким пустяком...

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА. Думаете?

ВТОРОЙ МУЖЧИНА. Уверен. Я очень сведущ в подобных тонкостях материях.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Какой же это пустяк, милейший?! Моя спина, в особенности, её левая половина правой стороны или наоборот, я уже забыла... Вся моя спина сморожена, а вы говорите, пустяк.

ДЕВУШКА. (Пухленькая, кругленькая, с большими детскими ресницами.) А я предлагала вам поменяться, но вы почему-то... А у меня теплая шубка...

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. С вами?! Поменяться?! Оказаться на вашем месте?! Жуть, во имя всего святого сборища! Это чревато для здоровья... Жуть. (Её передернуло.)

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Жуть... (Её тоже передёрнуло.)

Девушка покраснела.

Молодая монашка захихикала. Зазвенели чётки.

Старая угрожающе посмотрела на молодую. Скривила рот.

Молодая показала старой язык.

ТРЕТИЙ МУЖЧИНА. (Красив и молод.) Вы не должны так, сударыня...

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Молодой юноша, не суйтесь, ради всего святого сборища!

Старая монашка беззвучно зашептала «отче наш».

Молодая послала Третьему воздушный поцелуй.

Чётки снова зазвенели.

Я получила воспитание от лучших и благороднейших наставников и потому знаю, как я должна, а как нет. Ясно вам, сударь... Ой! (Согнулась пополам, обняла себя за спину.) Ой! Ой! Дорогой, грелку! Две! Семнадцать! Двадцать восемь! Скорее!

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА (кинулся к узлам и котомкам). Где?! Как оно выглядит?!

ВТОРОЙ МУЖЧИНА. Я покажу. Я очень сведущ в подобных тонкостях материях.

ДЕВУШКА. У меня есть...

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА (разогнулась). Вашу?! Боже упаси! Ради всего святого сборища! Лучше смерть! Ой! (Снова согнулась.) Дорогой, грелку!

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА (увидел хозяина, щелкнул пальцами). Гарсон, грелку!

ХОЗЯИН (лениво приподнял голову, вынул записную книжку). Еще што будите?

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА. Еще? Что нам еще? Скорее... (Глядит на Второго.)

ВТОРОЙ МУЖЧИНА. Бордоского пять бутылок... Пива десять... Заячий паштет из зайца. Сала из свиньи. Чесночную колбасу с чесноком. Одиннадцать крутых яиц, сваренных вкрутую. Окорок. Хлеба. И... И...

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. И дичь...

ВТОРОЙ МУЖЧИНА. И дичь. (Кивнул на Первого.) Граф платит.

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА. И дичь. Граф платит. (Спохватился.) Как? Почему? Граф это я... Граф не платит. Выполняйте!

ХОЗЯИН. Всё?

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА. Всё. Выполняйте...

ХОЗЯИН. Разбежались... (Опустил голову на руку, чешется.)

Долгая пауза.

Первая снова разогнулась.

Все стоят с открытыми ртами.

Старая монашка тербит чётки, молодая - пританцовывает.

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА. Сударь, вы не поняли. Я граф Юбер де Бревиль. Почётный член франкмасонского ордена. А это мои спутники. (Указал на Первую женщину.) Моя супруга, графиня де Бревиль. Мать пятерых... Детей, к счастью, не имеем. (Указал на Второго мужчину.) Господин Луазо. Собственник. Потомственный.

Г-Н ЛУАЗО. Не потомственный, граф. Всё нажито исключительно на собственной голове и способностях умищи. (Похлопал себя по черепу.) Также член франкмасонского ордена.

Г-Ф ЮБЕР. Господин Луазо. Собственник. Не потомственный. Также член франкмасонского ордена. (Указал на Вторую женщину.) Госпожа Луазо. (Третьему.) А это... Как вас, юноша?

ТРЕТИЙ МУЖЧИНА. Корнюде. Борец, обличитель и демократ.

Г-Ф ЮБЕР. Юноша Корнюде. Просто. И... (Поглядел на девушку, перевёл взгляд на монашек.) И две святые девы при нас. Или они как одна идут?

Молодая монашка зацвела.

Старая потупила взор.

Чётки зазвенели.

ХОЗЯИН (встал, разглядывает монашек). Святой колорадский жук! Чего это они? Такие... Вместе...

КОРНЮДЕ. Чудо природы, сударь. По сути своей они одно существо...

Г-Н ЛУАЗО. Природа здесь не причем. Это процесс науки дал свой продукт. Один мой знакомый англичанин, Ньютон, кажется...

ХОЗЯИН. Даааа... Во те на... А пощупать-то их можно? Соединение, так сказать, изучить...

Молодая монашка закивала.

Старая залилась.

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Побойтесь бога, сударь, во имя всего святого соборища.

ХОЗЯИН (сел, чешется). Ладно. Кого-кого, а этого следует побояться. А то – бах! – гром и головы не сыщешь. Чего надо-то?

Г-Ф ЮБЕР. Мы желаем трапезничать, сударь.

ХОЗЯИН. Я тоже желаю.

Г-Ф ЮБЕР. Сударь, я граф Юбер де Бревиль...

ХОЗЯИН. Ну... Вижу.

Г-Ф ЮБЕР. А это...

ХОЗЯИН. Ну... Опять вижу.

Г-Н ЛУАЗО. Вы ничего не поняли, уважаемый. Это сам граф де Бревиль...

ХОЗЯИН. Ну... А я сам Антуан Фоланви. (Ржёт, чешется.)

Г-Н ЛУАЗО. Очень приятно. Но граф де Бревиль это - о! Сама Бретонская энциклопедия дважды упоминает его имя в сносках...

ХОЗЯИН. Да что вы говорите. Не знал. (Чешется.)

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Послушайте, сударь, мой муж носит одно из стариннейших и знатнейших нормандских имён...

Г-ф Юбер гордо вытянулся по струнке.

ХОЗЯИН. Поздравляю... (Ржёт, чешется.)

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Во имя всего святого сборища, имейте уважение! Одну из прабабок моего мужа обесчестил сам Генрих четвертый!

Г-ф Юбер задрал голову и покрутился перед хозяином в фас и в профиль.

Г-Ф ЮБЕР (указывает на свой сифилический нос). Нос это уже моё приобретение. В семилетнем возрасте был соблазнён трупной бродячих музыкантов, от которых получил известный недуг. А в целом черты короля Генриха, я считаю, что сохранились.

ХОЗЯИН (разглядывает графа). Да. Что-то есть... Хотя ж я Генриха-то этого не видел никогда. А вот мою прабабку обесчестил проезжий солдафон. Теперь все в роду у нас косые на левый глаз. Солдафон, видать, стрелком был... (Ржёт, чешется.)

КОРНЮДЕ (зло). Сударь, мы едим из Руана...

ХОЗЯИН. Из самого или с окраины?

КОРНЮДЕ. Из самого.

ХОЗЯИН. Так-так. А цветочница, что стояла на площади, торгует ли? Такая с прыщиками и губа торчит...

КОРНЮДЕ. Нет. Руан осаждён неприятелем.

ХОЗЯИН. Жаль. Резвая была мадам. Чудные у нас с ней были деньки. Как вскочит, бывало... (Лыбится, чешется.)

КОРНЮДЕ (негодую). Руан в развалинах, сударь! Он пылает! Горит! Кругом пруссаки! Смерть! Разруха!

ХОЗЯИН. Ну-ка. Ну-ка. (Чешется.)

КОРНЮДЕ. Скоро Руана не будет.

ХОЗЯИН. Дал бы Бог.

КОРНЮДЕ. Что вы говорите?!

ХОЗЯИН. У меня там теща. Может, сгорит тоже. А то всё живёт и живёт, перечница старая. Сколько ей уже... Сто, поди. Дааа. Попила кровушки...

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Так вы дадите нам поесть, сударь?

ХОЗЯИН. Нет.

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Почему?

ХОЗЯИН. Не велено.

Г-Н ЛУАЗО. Кем?

ХОЗЯИН (указал пальцем вверх). Там...

Все задрали головы к потолку.

Старая монашка зашептала молитву. Зазвенели чётки.

И тут на лестнице возник прусский офицер. Молодой. Белобрысый. Прилизанный. Усы шире плеч.

Компания сделалась бледной.

ОФИЦЕР. Кто такой, каспата?

ХОЗЯИН. Спрашивает, кто вы будите. И вообще...

Г-Ф ЮБЕР. Путники мы будем. Скажите ему, что мы едем из Руана в Гавр.

ХОЗЯИН (офицеру). Каспата ехать из Руан в Кавр.

ОФИЦЕР. Давать бумага.

ХОЗЯИН. Документ немчура просит. Имеется?

Г-Ф ЮБЕР. Есть. Скажите ему, что есть. Подписано комендантом Руана. Всё, как надо. (Полез за пазуху.) Всё, как надо. И имена, и приметы, и род занятий... Сейчас я...

ХОЗЯИН (офицеру). Бумага сейчас давать каспата.

ОФИЦЕР. Карашо.

Г-Н ЛУАЗО (офицеру). Сударь, скажите, как образованный человек образованному человеку, почему луна висит и не падает?

ОФИЦЕР. Мочать нато фам.

Г-Н ЛУАЗО. Позволю себе, сударь, почтительнейше заметить, что луна, а об этом недавно писала уважаемая в образованных кругах газета «Сказки и враки» – есть ни что иное, как продукт средневековой науки, изготовленный алхимиком Парацельсом из бычьего пузыря и наполненный...

ОФИЦЕР. Мочать, итиот!

Г-Н ЛУАЗО. Вы ошиблись, сударь. Я не тот, за кого вы меня приняли.

ОФИЦЕР. Фи итиот! Фам нато молчать!

Г-н Луазо обиделся и отошёл.

Г-ф Юбер вытянул из-за пазухи бумагу, вручил её хозяину.

Хозяин передал бумагу немцу.

Пауза.

ОФИЦЕР (читает). Карашо. Карашо. Карашо. Я ничего не понять.

ХОЗЯИН. Говорит, не разберется без очков.

ОФИЦЕР. Я хотеть смотреть словарь. А фи должен ждать.

ХОЗЯИН. Обождать велел немчура.

Г-Ф ЮБЕР. Как вам угодно, сударь. Мы целиком и полностью в вашем распоряжении. Приятно было познакомиться. Всегда рады, сударь.

ОФИЦЕР. Карашо. (Пошел наверх, стуча подкованными сапогами.)

ХОЗЯИН. По книге поперся читать. Теперь надолго. Садитесь уж...

Монашки в мгновение ока оказываются за столом.

Все остальные, за исключением Девушки и Корнюде, тоже садятся.

Г-ЖА ЛУАЗО. Как вы думаете, что он с нами сделает?

ХОЗЯИН. Ясное дело. Обчистит и едьте себе дальше.

Г-ЖА ЛУАЗО. Но у нас ничего нет. (Сняла с рук перстни, сунула их под платье.) Мы бедные путники всего лишь. Война пожрала всё наше имущество. Симон, дай мне твои часы.

Г-н Луазо отстегнул золотые часы с цепочкой. Вручил их жене.

Та отправила их вслед за перстнями.

Граф с графиней проделали тоже самое.

ХОЗЯИН. Захотит обчистить, найдёт...

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Мы аристократы - он не посмеет!

ХОЗЯИН. Аристократов в первую очередь и пощупает заодно по прелестям. (Лыбится, чешется.)

Г-ЖА ЛУАЗО. Какой ужас! (Вынула из-под платья драгоценности, пытается проглотить.)

ХОЗЯИН. А это вы зря. Узнает, будете под арестом, пока не выйдет.

Г-ЖА ЛУАЗО. Как же узнает?

ХОЗЯИН. Я скажу. А мне процент за то. (Смеется, чешется.)

Г-жа Луазо суёт всё своё состояние в рот, но не глотает. Из рта у неё торчит цепочка от часов.

КОРНЮДЕ (подходит к лестнице, глядит вверх). Проклятые пруссаки! Они повсюду! А мы изгой в своей стране! Но сдаваться нельзя! Нужно бороться! Дайте мне оружие!

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Во имя всего святого сборища, юноша!

КОРНЮДЕ. Дайте мне оружие! Я убью его!

Г-Н ЛУАЗО. Молодой человек, прошу вас! Моя голова бесценна для науки.

КОРНЮДЕ. Труссы! Жалкие труссы! (Сел за стол, с пафосом.) Вашу страну топчут какие-то варвары, а вы... Я один вынужден сражаться. Моя кровь спасет Францию. Только моя кровь! Кровь за кровь! (Хозяину.) Дайте мне оружие, сударь, и я убью эту свинью голыми руками! У вас нет оружия? Жаль! Очень жаль... Тогда дайте мне вина и поесть, сударь...

ХОЗЯИН. Разбежался.

КОРНЮДЕ. Что? Вы хотите моей смерти, сударь? Этого нельзя. Я нужен сейчас в Гавре. Я буду рыть там траншеи и устраивать заграждения. Я буду спасать Францию. Она погибнет без меня. Во имя Франции, дайте мне поесть, сударь!

ХОЗЯИН. Сказано, не велено.

КОРНЮДЕ. Франция вас проклянёт, сударь! Это измена! Предательство!

ХОЗЯИН. Отвали. Не велено.

КОРНЮДЕ. Тогда моя смерть будет на вашей совести! Варвар!

ДЕВУШКА. У меня есть еда, сударь...

КОРНЮДЕ. У вас... Еда... Мадам...

ДЕВУШКА. У меня... Хотите?

КОРНЮДЕ. Франция будет благодарна вам, мадам.

ДЕВУШКА. Я рада служить Франции, сударь.

КОРНЮДЕ. Так служите же...

ДЕВУШКА. Слушаюсь, сударь. (Вытянула из кучи котомок большую корзину, прикрытую белой салфеткой, подошла к столу.)

Все замерли.

«Сначала она вынула из корзины фаянсовую тарелочку и серебряный стаканчик, потом объёмистую миску, где застыли в желе два разрезанных на куски цыплёнка; потом пироги, фрукты, сласти и прочую снедь»...

Все дружно сглотнули слюну.

КОРНЮДЕ (схватил кусок цыплёнка). Франция вас не забудет, мадам!

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Ради всего святого сборища, юноша! Вы собираетесь это есть?

КОРНЮДЕ. Еще как собираюсь.

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Но она же... Это чревато... Это же Пышка... Она же девица...

КОРНЮДЕ. И что из того, мадам?

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Но её того... этого... это... то... Кучеры!

КОРНЮДЕ. Франция её прощает. (Впился в цыплёнка зубами.)

Г-ня де Бревиль охнула.

**Г-жа Луазо брякнула золотом во рту и повалилась на мужа.
Монашки защелкали четками.
Корнюде жадно ест.
Пышка стоит рядом и с восхищением глядит на Корнюде.**

КОРНЮДЕ. Этот цыплёнок просто блеск, мадам! И он спасет Францию!

ПЫШКА. Правда?

КОРНЮДЕ. Чистая, мадам.

ПЫШКА. А можно мне тоже, сударь?

КОРНЮДЕ. Конечно... Прошу...

ПЫШКА. Я только схожу за мадмуазель Фифи. Можно?

КОРНЮДЕ. А кто эта мадмуазель Фифи, мадам?

ПЫШКА. Она мой друг. Хотите, я вас познакомлю?

КОРНЮДЕ. Я буду счастлив... Ведите свою подругу.

ПЫШКА. Слушаюсь, сударь. (Подбежала к котомкам, достала длинную коробку, вернулась к столу.)

КОРНЮДЕ (удивлён). Мадмуазель Фифи там?

ПЫШКА. Да. Но это не её дом. Её дом остался в Руане. А в этом она прячется от врагов. (Открыла коробку, вынула из неё большую куклу в нарядном платье.)

**Из рта у Корнюде выпал кусок цыплёнка.
Хозяин привстал со своего места.
Монашки загремели чётками пуше прежнего.**

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Кукла...

ПЫШКА. Не называйте её так, мадам. Её зовут мадмуазель Фифи. (Кукле.) Поздоровайтесь с господами, мадмуазель Фифи. (Нагибает куклу, детским голосом.) Здравствуйте. Я мадмуазель Фифи. Я люблю знакомиться с разными добрыми господами. Давайте дружить. (Прежним голосом.) А это, мадмуазель Фифи, господин Корнюде. Он борец и обличитель. И еще он герой. Он приглашает нас поужинать с ним. Мы примем его приглашение, мадмуазель Фифи? (Детским голосом.) Примем! Примем! (Прежним голосом.) Тогда садитесь, мадмуазель Фифи. (Устраивает куклу на стул, садится рядом.) Хотите цыплёнка, мадмуазель Фифи? (Детским голосом.) Очень хочу! Я люблю есть цыплёнка! (Прежним голосом.) Попросите у господина Корнюде, мадмуазель Фифи. Господин Корнюде угостит вас. (Детским голосом.) Можно мне цыплёнка, господин Корнюде?

КОРНЮДЕ. Что? Кому? Вам? Или...

ПУШКА. Мадмуазель Фифи просит у вас кусочек цыплёнка, сударь.

КОРНЮДЕ. Да? Правда? Я...

ПЫШКА. Дайте ей кусочек, сударь.

КОРНЮДЕ. Дать? Ей? Кусочек?

ПЫШКА. Она сама ни за что не осмелится взять... Дайте ей кусочек, сударь.

Корнюде, не глядя, сунул руку в тарелку.

Мадмуазель Фифи любит крылышки, сударь...

ХОЗЯИН (выдохнул). Святой колорадский жук...

ПЫШКА. А знаете, говорят, что кто ест крылышки, тот скоро улетит из своего дома. Вот мадмуазель Фифи и улетела из своего. А кто ест ножки, тот будет топтать мамкины дорожки. Но мадмуазель Фифи любит крылышки. Дайте ей крылышко, господин Корнюде...

Корнюде вытащил из тарелки крыло, протянул кукле.

Берите, мадмуазель Фифи. Берите...

Корнюде отпустил крыло. То упало под стол.

Вот вечно вы так, мадмуазель Фифи. Всё роняете... (Полезла под стол.)

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Сумасшедшая.

Г-ЖА ЛУАЗО. Бедняжка.

Г-Ф ЮБЕР. Дурдом.

Г-Н ЛУАЗО. Психическое замешательство.

ХОЗЯИН. Даааа...

Монашки в знак согласия брякнули чётками.

Корнюде только открыл рот.

Пышка вылезла из-под стола. Вставила крыло в руку куклы.

ПЫШКА. Кушайте, мадмуазель Фифи. Я тоже немного поем. Разрешите... (Взяла кусок цыпленка, ест.)

Долгая пауза.

Корнюде принялся за продолжение трапезы, временами поглядывая на мадмуазель Фифи.

Г-Ф ЮБЕР (сглотнул слюну). Хозяин... Как вас там? Может, продадите чего-нибудь?

ХОЗЯИН. Не велено.

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ (жалобным басом). Хоть чего-нибудь...

ХОЗЯИН. Не велено, сказано.

ПЫШКА. Вы хотите кушать?

Г-Ф ЮБЕР. Ну... да так... в принципе... немножко...

ПЫШКА. Хотите цыплёнка?

Г-Ф ЮБЕР. Ну... да так... в принципе... хочу...

ПЫШКА. Берите.

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Дорогой!

Г-Ф ЮБЕР. Хочу! Да, я хочу цыплёнка! (Схватил кусок цыплёнка, ест.)

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Дорогой, ради всего святого соборища!!! Это чревато...

ПЫШКА. Вы тоже хотите? Кушаете. Берите. Все кушаете. Тут много.

Монашки, не раздумывая, схватили по куску.

Супруги Луазо тоже.

Едят.

Наконец, графиня не выдержала и тоже сдалась.

ХОЗЯИН. А мне можно? А то, знаете ли, немчура убрал все припасы под замок. И я уж два дня сижу на сухарях...

ПЫШКА. Кушайте, сударь. Кушайте. Все кушайте...

Хозяин незамедлительно включился в трапезу. Жуёт, чешется цыплячьими косточками, бросает их на пол.

Пышка, довольная, смеётся.

Продолжительная пауза.

Молодая монашка стащила крылышко у мадмуазель Фифи. Старая пытается отнять у неё крылышко. Завязывается драка, которую никто не замечает.

Монашки молча дерут друг другу волосы. Чётки звенят.

ПЫШКА. В Руане мы с мадмуазель Фифи жили у мадам Паран...

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Как же, как же, известная личность...

ПЫШКА. Мадам Паран была очень добрая и разрешила мне поставить в комнате домик для мадмуазель Фифи. На домике были ставенки и они закрывались, когда приходили...господа. И мадмуазель Фифи ничего не видела...

Г-Ф ЮБЕР. И чего же не видела мадмуазель Фифи?

ПЫШКА. Ничего.

Г-Ф ЮБЕР. Нет уж продолжайте. Нам интересно, чего же не видела мадмуазель Фифи.

ПЫШКА. Господа делали разные плохие вещи...

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Какие именно?

ПЫШКА. Разные, мадам...

Г-Ф ЮБЕР. Публика желает подробностей, мадам. Много подробностей.

КОРНЮДЕ. Полно вам, граф. А вот я в Руане...

Г-Н ЛУАЗО. А вот я Руане перечёл всю бретонскую энциклопедию. Туда и обратно.

ХОЗЯИН. А я в Руане...

КОРНЮДЕ. Нет уж позвольте, сударь. Моя очередь. В Руане я рыл траншеи и устанавливал заграждения. Но это не помогло. В Гавре я собираюсь заниматься тем же самым. Франция без меня погибнет.

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ (Пышке). А вы, милочка, собираетесь заниматься в Гавре тем же, чем и в Руане? (Улыбнулась.)

ПЫШКА. Я... Я тоже хочу рыть заграждения. Можно, я буду рыть заграждения, господин Корнюде? Я хочу быть полезной Франции...

КОРНЮДЕ. Вы?!

ПЫШКА. Я и мадмуазель Фифи.

КОРНЮДЕ. Но мадмуазель Фифи...

ПЫШКА. Она справится, сударь! Обещаю вам.

КОРНЮДЕ. Тогда можно! Мы будем рыть траншеи вместе, мадам. Я научу вас.

ПЫШКА. Вы слышали, мадмуазель Фифи? Мы будем полезны Франции! Вы рады, мадмуазель Фифи? (Схватила куклу, детским голосом.) Рада! Мадмуазель Фифи рада! (Прежним голосом.) Вы уже съели всё своё крылышко, мадмуазель Фифи? Хотите еще? (Заглянула в блюдо.) Сожалею, но больше ничего нет. Хотите пирога, мадмуазель Фифи?

Мадмуазель Фифи замотала головой.

Тогда давайте играть в классики, мадмуазель Фифи. Кто будет с нами в классики? Хотите, играть с нами в классики, господин Корнюде?

КОРНЮДЕ. Да я... что-то... это... В другой раз, может...

ПЫШКА. Но господин Корнюде, не отказывайте нам. Если вы откажете, мадмуазель Фифи будет плакать всю ночь и у неё заболят глазки. Пожалуйста, господин Корнюде!

КОРНЮДЕ. Я б с удовольствием, мадам, да моя нога... Она повреждена в сражениях...

ПЫШКА. Какая жалость! (Остальным). А вы, господа? Хотите в классики?

Вся компания, не имея возможности ответить из-за набитых ртов, замотала головами.

ПЫШКА. Не хотите? Очень жаль. Тогда мы будем играть с мадмуазель Фифи. (Посадила куклу на пол, достала мел.)

ХОЗЯИН. Эй! Вы чего это хотите делать этим?

ПЫШКА. Чертить классики.

ХОЗЯИН. Где?

ПЫШКА. Тут. На полу.

ХОЗЯИН. Я вам щас начерчу...

КОРНЮДЕ. Не мешайте ей, сударь. Я возьму убытки. (Сунул хозяину монетку.) Чертите, мадам.

**Пышка села на пол, выводит мелом полоски на досках.
Все глядят на неё, как на сумасшедшую.**

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Она действительно того. Возможно, это от сифилиса.

Г-Ф ЮБЕР. Более чем...

КОРНЮДЕ. Не говорите так, господа. Она всего-навсего жертва политики подлеца Баденге. Уверен также, что вы или такие как вы тоже приложили к этому руку.

Г-Ф ЮБЕР. Поосторожней в выражениях, юноша. Она просто шлюха.

КОРНЮДЕ. Сами вы...

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Дорогой, во имя всего святого соборища, осади этого юнца!

Г-ЖА ЛУАЗО. А мне, так уж и быть, её жалко.

Г-Н ЛУАЗО. И мне. Хотя научному уму не свойственна жалость.

ХОЗЯИН. Даааа.

ПЫШКА (закончила чертить). Никто не надумал попрыгать?

Все замотали головами.

Очень жаль. (Встала возле поля, приготовилась прыгать.)

**И тут снова появился офицер.
Все поднялись. Выгнулись. Вытирают губы.
Пышка спрятала куклу в коробку.**

Г-жа Луазо поспешно затолкала свои драгоценности в рот.

ОФИЦЕР. Кто есть тут мазель Руссе?

ХОЗЯИН. Спрашивает, кто из вас мадмуазель Руссе.

Пауза.

ОФИЦЕР. Кто есть тут мазель Руссе?

ПЫШКА. Я...

ХОЗЯИН (офицеру). Мазель Руссе есть она.

ОФИЦЕР. Я уже понял без вашей.

ХОЗЯИН. Он уже понял без сопливых.

ОФИЦЕР. Я желать пить с мазель Руссе вина.

ХОЗЯИН (Пышке, улыбаясь). Хотит винца с вами испить, мадам.

ОФИЦЕР. Мазель Руссе должен быть в мой хауз.

ХОЗЯИН. Штот я не понял. К себе вроде как зовет... Ну, немчура!

ОФИЦЕР. Мазель Руссе идти в мой хауз.

Молодая монахиня хихикнула. Звякнули чётки.

ПЫШКА. Я не пойду.

По публике пронёсся шепоток.

ОФИЦЕР. Мазель Руссе идти туда. (Показал пальцем наверх.)

КОРНЮДЕ. Она никуда...

ОФИЦЕР. Фи должен молчать!

ПЫШКА. Я никуда не пойду.

ОФИЦЕР. Карашо. Тогда ми будем вино пить здесь. (Хозяину.) Нести вино. Бистро. Вып-
нять!

ХОЗЯИН. Так где ж я вам. Сами ж закрыли.

ОФИЦЕР (швырнул хозяину ключи). Нести вино. Много вино. И смотреть, не воровать кол-
баса. Вып-нять!

Хозяин ушел в погреб, стрельнув взглядом в молодую монашку. Та заулыбалась.

**Офицер гордой походкой прошествовал по залу. Подошёл к монашкам со спины. Саблей приподни-
мает у них ряску. Заглядывает под неё.**

Молодая закрутила головой, пытаясь увидеть офицера.

Старая зашептала молитву.

ОФИЦЕР. Чиго ето есть такое?

Г-Ф ЮБЕР. Это есть святой дева, сударь.

ОФИЦЕР. Ето ни есть святой дева. Ето есть дракон. Ето должен быть в музей.

Г-Н ЛУАЗО. Вы правы, сударь, всякий продукт науки должен помещаться в музей. А то, что
вы изволили назвать драконом, ни есть дракон, а есть чудеснейший образчик научных изы-
сканий и практики.

ОФИЦЕР. А фи есть идиот.

Г-Н ЛУАЗО. Позволю вам возразить, сударь, что я не есть идиот, так как бретонская энцик-
лопедия определяет...

ОФИЦЕР. Фи есть идиот. И должен молчать. Вып-нять.

Г-н Луазо обиделся и принялся что-то шепотом доказывать графу.

**Вернулся хозяин с корзиной, наполненной бутылками. Жует что-то. Из карманов у него торчат бато-
ны колбасы.**

ОФИЦЕР. Фи не воровать колбаса?

ХОЗЯИН (с полным ртом). Уку.

ОФИЦЕР (показывает на карман хозяина). А чиго ето есть такой?

ХОЗЯИН (оглядывается). Где? Вот ведь! Вылезла проклятая!

ОФИЦЕР. Я буду бить фас етот колбаса по голова. (Отобрал у хозяина колбасу.) Фам будит
боно и фи будит кричать. (Ударил хозяину по голове колбасой.) Начинать кричать. Вып-
нять! (Бьёт.)

Хозяин тихонько покрикивает.

ПЫШКА. Прекратите! Ему больно!

ХОЗЯИН. Да не больно мне. Пусть потешится немчура.

ОФИЦЕР. Я хотеть ему боно. Кричать. Вып-нять. (Бьёт.)

Хозяин покрикивает.

ПЫШКА. Прекратите! Дайте сюда колбасу!

ОФИЦЕР. Фи хотишь етот колбаса, мазель?

ПЫШКА. Да, я хочу этой колбасы.

ОФИЦЕР (перестал бить). Карашо. Ми будим пить вино и закусывать колбаса. (Сгрёб со стола всё, что на нем было, положил колбасу, поставил вино. Сел, закинул ноги на соседний стул.) Ми будим пить много вино и сино касеть. А фи (указал на остальных) ни давать пить вино. И фи ни будит касеть...

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Но, сударь, мы принадлежим к старейшему роду...

ОФИЦЕР. Мне есть плевать с большая колокольня. Фи ни будит пить вино. Фи будит... (Задумался, чешет затылок.) Чиго жи фи будит? Чиго жи фи будит? Фи будит... (Увидел классики.) Фи будит прыгать там. Фи есть козий какачка и фи будит прыгать там. Фи, фи, фи и фи (Показал на графа с графиней и на супругов Луазо.) будит прыгать там. А фи. (Указал на Корнюде.) Фи будит сидеть на етот стул, а я стать ложить на фас сфой ноги.

КОРНЮДЕ. Я не намерен, сударь!

ОФИЦЕР. Если фи ни хотишь, тогда я стать бить фас колбаса, а фи кричать.

Г-Ф ЮБЕР. Юноша, не злите его.

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Во имя всего святого сборища, юноша.

ОФИЦЕР. Фи будишь сидеть?

Г-Н ЛУАЗО. Молодой человек, умоляю. Я хотя и занимаюсь науками, но ужасно боюсь вида крови...

КОРНЮДЕ. Хорошо. Только ради вас, господа. И ради Франции. (Сел на стул.)

Офицер снял сапоги. Под ними серые влажные портянки.

По публике прокатился вздох отвращения.

Негромкие реплики: «О, боже! Святые угодники! Недельные...»

Офицер закинул ноги Корнюде на колени.

Корнюде зажмурился.

ОФИЦЕР. Фи начинать прыгать. Выпонять!

Граф с графиней и чета Луазо принялись усердно скакать по нарисованному полю. Кто на одной ноге, кто на двух. Скачут, толкаются, падают.

Хозяин ржет, чешется.

Старая монашка молится, молодая – пританцовывает. Звенят чётки.

ОФИЦЕР. Ать-два! Ать-два! Ать-два! Ать-два! Бистро! Еще бистро! Карашо! Карашо! (Монашкам.) А фи вставать сюда и разливать. Выпонять!

Монашки безропотно повиновались. Откупорили бутылки, наливают.

ОФИЦЕР. А фи, мазель, прошу садиться.

Пышка села.

ОФИЦЕР (монашкам). Наливать боше. Поный нато. И хотеть сино поить мазель и чиго-то делать с мазель. Вот есть так карашо. (Вручил Пышке стакан.) Ми будим пить за Пруссия. (Ткнул в себя пальцем.) Ето есть Пруссия. (Указал на остальных.) А ето есть Франция. Франция есть трус. Франция есть камно и какачка. Франция есть нюкать наш портянка. (Сунул ноги под самый нос Корнюде.) Фи есть камно. Нюкать портянка.

Корнюде крутит головой.

Бистро нюкать, какачка!

ПЫШКА. Прекратите!

ОФИЦЕР. Я ни хотеть прекратить. Я хотеть ни прекратить.

ПЫШКА. У вас немытые ноги!

ОФИЦЕР. Ето есть две неделя немытый ноги. И они есть пахнуть ни карашо.

ПЫШКА. Прекратите сейчас же!

ОФИЦЕР. Нюкать, какачка! Бистро!

ПЫШКА. Гад! (Плеснула вином в лицо офицера.)

**Все замерли.
Долгая пауза.**

ОФИЦЕР (вытер лицо рукой). Это есть бунт. Но это есть карашо. Это есть очинь карашо. Значит, фи есть горячий мазель. А я любить горячий мазель. Фи будит повторить это. (Дал Пышке свой стакан, закрыл глаза.) Повторить нато.

ПЫШКА. Я не понимаю...

ОФИЦЕР. Повторить нато. Повторить...

ПЫШКА. Я не понимаю.

ХОЗЯИН. Хотит, чтоб вы побрызгались, мадам. Ну, немчура!

ПЫШКА. В него?

ХОЗЯИН. В него, в него.

ОФИЦЕР. Повторить... Повторить...

Пышка наливает вино в ладонь, нерешительно брызжет в офицера.

ОФИЦЕР. Карашо! Карашо! (Стонет.) Это есть карашо! Фи делать мне карашо! Я есть балдеть! Я есть фесь балдеть! Карашо! Карашо! Я есть фаш слуга! Карашо! Карашо! Я есть фаш портянка! Я есть фаш какачка! Карашо! Карашо! Я есть фаш маленькая паж! Карашо! Фи топтать миня ногой! Топтать миня! Топтать миня! Да! Да! Карашо! Карашо!! Карашо!!! Карашо!!!! Гут!!!! Гут!!!! Гуууууууууу... (Кричит, дёргается в конвульсиях, закатывает глаза, затих, сполз со стула.)

Молодая монашка захихикала. Пьет вино из бутылки.

Хозяин улыбается, чешет пузо.

Очень долгая пауза.

ОФИЦЕР (очнулся, вскочил со стула, машет саблей). Капут! Шнель! Хенде хох! Где мой утка?! Я всех убивать! Я всех стрелять! Где мой утка?! Где мой горчэк?! Я всех капут! (Застыл, смотрит по сторонам.) Где есть я? Кто фи? Чиго это било? Почему я есть мокрый? (Вдруг заулыбался, убрал саблю, сел.) Оооо! Кажится, я вспоминать. Мазель делать мне карашо. Мазель делать мне очинь карашо. Мазель умелый мазель. А фи почему так на меня смотреть? Почему фи не прыгать? Прыгать. Бистро!

Луазо и граф с графиней снова принялись усердно скакать.

Да. Да. Так. И еще бистро. А ми будит пить вино. Где есть вино?

Старая монашка вырвала у молодой бутылку, к которой та присосалась. Наливает.

А хозяин в это время уже пристроился рядом с молодой монашкой и всюю любезничает. Строит ей глазки, целует ручку, гладит по заду.

Монашка хихикает. Чётки звенят.

ОФИЦЕР (поднял стакан). Ми будит пить за Пруссия. Пруссия есть муж. Франция есть жена. Муж иметь жена. (Смеётся.) Потом Пруссия иметь вся Европа. А я иметь римский папа. (Смеётся.) Ми пить за Пруссия. (Поднёс стакан, смотрит на Пышку.) А фи почему не пить за Пруссия?

ПЫШКА. Я не буду пить за Пруссию. Я буду строить траншеи и заграждения. Я, господин Корнюде и мадмуазель Фифи. Мы спасём Францию.

ОФИЦЕР. Фи будит пить за Пруссия.

ПЫШКА. Нет.

ХОЗЯИН. Давайте, я выпью...

ОФИЦЕР. А фи молчать, какачка! Фи будит пить за Пруссия. Я будит вас заставлять. (Достал саблю.) Фи будит пить за Пруссия?

ПЫШКА. Нет.

ОФИЦЕР (замахнулся саблей на Корнюде). Тогда я рубить этот каспатин на цалат и кормить этот цалат этот толстый свинья хозяин. Карашо?

Корнюде сжался в комок. Кисло улыбается.

ПЫШКА. Не смейте трогать его, гад!

ОФИЦЕР. О! Мазель уметь матюгаться. Ето есть карашо. Мазель должен ище матюгаться. А то я рубить этот юный какачка на цалат.

ПЫШКА. Не прикасайтесь к нему, мерзавец!

ОФИЦЕР. Карашо! Ище матюгаться! Поклеще! (Замахнулся саблей.)

ПЫШКА. Прусская свинья! (Швырнула кружку в лоб офицеру.)

Офицер пошатнулся, выронил саблю, закатил глаза.

Игроки в классики перестали скакать и повалились на пол.

Пауза.

ОФИЦЕР (хлопает ресницами). Ето есть боно. Но ето есть карашо. Ето есть гут. Фи должен повторить. Повторить. (Подставил голову, зажмурился.) Повторить...

ХОЗЯИН. Во, немчура даёт! Врежьте уж ему, мадам.

ОФИЦЕР. Повторить... Повторить...

ХОЗЯИН. Врежьте уж, раз просит.

ПЫШКА. Чем?

ХОЗЯИН. Да колбасой вон.

ОФИЦЕР. Повторить! Повторить! Чичасжи! (Визжит.)

Пышка берет колбасу, легонько бьёт ею немца по голове.

ОФИЦЕР. Сино нато! Сино! Ище сино!

КОРНЮДЕ. За Францию ему, мадам!

ПЫШКА. За Францию?

КОРНЮДЕ. За Францию!

ПЫШКА. За Францию! (Бьёт со всей силы.) За Францию тебе, гад! За Францию тебе, сволочь! Вот тебе! Вот тебе! Вот! Вот! Вот!

ОФИЦЕР. Карашо! Карашо! Карашо! Ище! Ище!

Пышка лупит.

Колбаса ломается.

Секундная пауза.

Пышка бежит к посудному шкафу, приносит скалку.

Старая монашка молится.

ОФИЦЕР. Ище! Ище! Повторить!

Старая монашка сильно молится.

ОФИЦЕР. Ище! Ище! Бистро!

ПЫШКА. За Францию! (Наносит сокрушительный удар скалкой.)

У немца из головы вылетают искры. Рассыпаются по залу.

ОФИЦЕР (кричит, хватается за голову, бегает вокруг стола). Бона! Бона! Бона! Это есть бона! Ето ни есть карашо! Ни карашо! Ето есть плёко! Я сказать про фас мама! Мама ругать фас! Мама драть фас розга! Мама закрывать фас в чулан! Я сказать про фас мама! Бона! Бона! Ой, как бона! (Вдруг останавливается и глядит на Пышку страшным взглядом.)

Пышка держит скалку, готовая защищаться.

Пауза.

Ето ни есть карашо. Но фи есть горячий мазель. А я любить горячий мазель. И для горячий мазель в мой хауз есть разный всякий штучка-дрючка. Разный интересный всякий штучка-дрючка. Фи должен пойти в мой хауз, и я фам показать мой штучка-дрючка. Я фам показать плётка, показать палка, показать разный кожаный ремешки и другой разный интересный штучка-дрючка. Мазель быть доволен мой штучка-дрючка. Мазель идти в мой хауз?

ХОЗЯИН. Ну, немчура! Какие мы развратники, а этот...

ОФИЦЕР. А фи молчать! Так мазель идти в мой хауз?

ПЫШКА. Я никуда не пойду.

ОФИЦЕР. Я так не думать. Я есть хотеть мазель. Я хотеть быть портянка мазель. Я хотеть иметь мазель.

ПЫШКА. Не смейте так говорить!

ОФИЦЕР (подходит). Мазель есть упрямый мазель. А я любить упрямый горячий мазель.

ПЫШКА. Не подходите. Я вас снова ударю.

ОФИЦЕР (подходит). О, я есть мечтать об етом.

ПЫШКА (пятится, держит перед собой скалку). Не подходите, сударь...

ОФИЦЕР. О, да! Ето есть карашо! Мазель есть хотеть миня! Мазель любить миня! Мазель горячий мазель! Я иметь мазель! Я иметь Франция! Я иметь Европа! (Бросается на Пышку.)

Пышка бьёт его скалкой по голове.

Звон. Треск. Грохот.

Немец падает на пол. Не шевелится.

Тишина.

ХОЗЯИН. Дааа... (Подходит к немцу, осматривает, чешется.) Кажись, готов немчура. Не выдержал любовничек. Ля морт дьюси случился. Что значит сладкая смерть от любви. Прими господь душу развратника твоего. (Склонил голову, чешется.)

Старая монашка тянет молодую к телу немца. Молодая на ходу хватает бутылку, пьёт. Старая склоняется над телом, шепчет молитву.

КОРНЮДЕ. Мадам, я восхищён вами! Франция восхищена вами! Этот подвиг достоин ордена! Отныне и навеки я ваш покорный слуга! И я припадаю перед вами на колено, мадам! (Встал перед Пышкой на колено.)

ПЫШКА. Он сам виноват...

ХОЗЯИН (потерял интерес к телу немца). Давайте, что ли отметим это дело. Хлопнем, так сказать, винца за убиенного молодца. Ну, чем я не поэт? (Смеётся, откупорил бутылку, налил, и отправился к молодой монашке. Пьёт с ней на брудершафт, целуется, ощупывает.)

Все взяли по стакану.

КОРНЮДЕ. Я предлагаю тост, господа. За наш героический подвиг, господа. За Францию, господа. За Францию могучую и непобедимую. А она была, есть и будет таковой, покуда есть мы, господа. Борцы, обличители и герои. За нас, господа!

ВСЕ. За нас!

Выпили, едят колбасу.

И тут...

Немец вскочил с пола.

Монашки взвизгнули и кинулись прочь.

Граф, графиня и чета Луазо в мгновение ока очутились в поле для классиков. Запрыгали. Заскакали. Танцуют.

Корнюде сел, установил себе на колени сапоги немца. Нюхает их. Опомнился, бросил сапоги на пол.

Немец вертит головой. Молчит.

ХОЗЯИН. Здорово вы, сударь, ударились. Разбежались и прям головой об стену так - бах. Искру аж высекло. Пожару чуть не наделали. Мы думали, всё вам – капут.

Немец молчит.

ХОЗЯИН. Здорово, говорю, вы, сударь, ударились.

Немец не реагирует.

ХОЗЯИН. Сильна, я гаварить, ви, сударь, стукнулся...

ОФИЦЕР. Не надо делать из меня дурак! Ето мазель ударить миня этим штучка-дрючка. И я есть очень злой. Я буду фсех фас пытатъ боно калёным железака, а потом расстрелять. Завтра пытатъ и расстрелять.

Г-жа Луазо свалилась в обморок.

Но я ни буду фас пытатъ и расстрелять, если мазель будит меня утешить. Тогда я отпустить фас.

Г-жа Луазо пришла в себя.

ПЫШКА. Ни за что!

ОФИЦЕР. Тогда я пытатъ фас калёным железака и расстрелять.

Г-жа Луазо снова рухнула.

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Давайте я, сударь, буду вас утешать.

ОФИЦЕР. Фи? Фи изволить смеяться?

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ (прихорашивается). Отчего ж, сударь, я очень даже искусна в некоторых, так сказать, вещах... Дорогой, подтверди...

Г-Ф ЮБЕР. Да я б не...

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Цыц! Подтверждай!

Г-Ф ЮБЕР. Точно так, сударь.

ОФИЦЕР. Мочать! Фи есть страшный и безобразный усатый дубина и миня есть тошнить от фас.

Графиня покраснела.

Г-ЖА ЛУАЗО. Тогда я, может, подойду вам, сударь?

ОФИЦЕР. И фи мочать! Я любить горячий мазель. А фи ни есть горячий мазель. Фи есть бремно. Яцно? Я хотеть мазель.

Молодая монашка прыснула. Звякнули чётки.

ОФИЦЕР. Так мазель согласен?

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Мазель согласна.

ПЫШКА. Ни за что!

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. А я говорю, мазель согласна.

ОФИЦЕР. Мочать, усатый дубина! Я спрашивать мазель. Мазель согласен?

ПЫШКА. Нет.

ОФИЦЕР. Тогда я фсех расстрелять до смерть.

ПЫШКА. Мы не боимся смерти, сударь. Здесь все до одного герои.

Г-Ф ЮБЕР. Не скажите, мадам...

ОФИЦЕР. Мазель согласен?

ПЫШКА. Нет.

ОФИЦЕР. Карашо. Я давать вам думать до утро. А потом калёный железяка очинь боно-боно и расстрелять.

ПЫШКА. Как вам угодно, сударь.

ОФИЦЕР. Я давать думать. (Пошёл наверх, зевает.) А фи смотреть ни убегать, а то я фас ни расстрелять, а садить на кол. А сидеть на кол очинь боно.

Ушёл.

Бесконечная пауза.

Монашки молятся. Звенят чётки.

ХОЗЯИН. Дааа... Вот вы и отъездились, господа. Сочувствую. Сбежать не сбежишь. В каждом доме солдафоны. Придётся помирать...

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Как это? Это никак не возможно. Решительно никак не возможно. Я еще должна сделать самое главное дело своей жизни. Я должна удалить усы новым раствором господина Гильотена...

Г-Ф ЮБЕР. А у меня в Англии шестьсот тысяч отложены на чёрный день, и я не имею никакой возможности умирать, покуда, не прокучу всё до гроша...

Г-Н ЛУАЗО. А мне еще предстоит изобрести перпетум мобиле из тележного колеса и зайти в анналы и обессмертится навеки...

Г-ЖА ЛУАЗО. А я хотела купить себе золотые зубы в Гавре и грызть ими орехи. И еще тыквенные семечки...

ПЫШКА. А я хочу... (Поглядела на Корнюде.)

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Нет уж, милочка, вы сейчас же пойдёте к этому солдату и выполните свой долг.

ПЫШКА. Это невозможно.

Г-Н ЛУАЗО. Ничего невозможного не бывает. Это доказано наукой.

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Что вам стоит, дорогая? Одним больше, одним меньше. Пустяк...

ПЫШКА. Это невозможно.

Г-ЖА ЛУАЗО. Вы спасёте себя и нас, дорогая...

Г-Ф ЮБЕР. Если вы беспокоитесь насчёт оплаты, мадам, то я даю вам своё слово, что мы вас щедро вознаградим.

ПЫШКА. Это невозможно. Франция не продается.

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Мы вам приказываем, мадмуазель!

ПЫШКА. Нет!

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ (идёт на Пышку). Как вы смеете говорить с нами в таком тоне, продажная тварь! Мы не потерпим! Мы чистые и непорочные! Вы сейчас же пойдёте к нему и отдадитесь! Вы продажная девка и должны отдаваться! Ясно вам?! Мы приказываем вам, продажная девка!

Г-Ф ЮБЕР (идёт на Пышку). Мы приказываем вам!

Г-Н ЛУАЗО И Г-ЖА ЛУАЗО (идут на Пышку). И мы приказываем...

КОРНЮДЕ. Оставьте её!

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Во имя всего святого сборища, молодой юноша, не суйтесь!

КОРНЮДЕ. Оставьте её!

Г-Ф ЮБЕР. Отойди, сынок.

КОРНЮДЕ (схватил саблю). Стойте! Я буду сражаться! Стойте!

Все замерли.

Всё правильно! Так и должно быть! Страшные муки, а потом гибель от пуля – вот участь борца! Про нас напишут балладу, сочинят гимн, наши имена будут на каждом заборе! А потом нас возведут в святые! Мы станем святыми великомучениками, как Жанна!

ХОЗЯИН. Правда, что ли?

КОРНЮДЕ. Истинная, сударь!

ХОЗЯИН. Заманчиво... Может, мне тогда тоже с вами, а?

КОРНЮДЕ. Конечно, присоединяйтесь! Вы не пожалеете, сударь! Нет ничего прекраснее героической смерти! Нет ничего прекраснее гибели за идею! Присоединяйтесь, сударь...

ХОЗЯИН. А чиво? Я могу... Или уж нет, а? Пожить, может, еще. Жить-то тоже вроде охота. За девицами вон еще побегать. А? (Подмигнул монашке.) Как думаете, сударь, можно их рассоединить? Они на замочках или склеены? А?

Корнюде не отвечает.

Молодая монашка хихикает.

(Г-ну Луазо.) А вы как считаете, господин-учёный, на замочках они или приклеены? Если на замочках, то ключ я подберу, будьте покойны. А если же на клею они, то можно отмочить попробовать. Но здесь тогда важно знать, какой клей. А, сударь-учёный?

Г-н Луазо не отвечает.

Молчание.

Пышка достала из коробки мадмуазель Фифи. Подошла к Корнюде.

ПЫШКА. Мадмуазель Фифи хочет вас поцеловать, господин Корнюде. Вы разрешите ей, господин Корнюде?

Корнюде кивает.

ПЫШКА. Спасибо, господин Корнюде.

Мадмуазель Фифи целует Корнюде в щёку.

ПЫШКА. Спасибо вам за всё, господин Корнюде. Вы настоящий герой. Я буду помнить вас всю жизнь, господин Корнюде. И мадмуазель Фифи тоже будет помнить вас. А умирать не страшно, господин Корнюде. Так что вы не бойтесь. И вы тоже не бойтесь, господа. Умирать не страшно. Гораздо страшнее лежать в темной комнате и знать, что ничего никогда не будет. Ничего никогда...

Молчание.

Молодая монашка смахнула слезу.

Хозяин хлипнул носом.

ПЫШКА (хозяину). Покажите мне мою комнату, сударь. Мадмуазель Фифи хочет спать.

ХОЗЯИН. Чего? Ааа... Номер три, мадам... (Отстегнул от связки ключ, вручил его Пышке.) Проводить?

ПЫШКА. Нет. Всем доброй ночи, господа. (Подняла куклу.) Мадмуазель Фифи, пожелайте господам доброй ночи. (Детским голосом.) Доброй ночи, господа. Я рада, что познакомилась с вами. Приятных вам снов.

КОРНЮДЕ. Я провожу вас, мадам.

ПЫШКА. Нет. Не надо. Мадмуазель Фифи проводит меня. А я провожу мадмуазель Фифи. (Улыбается.) До свиданья, господа.

Монашки кивают, звенят чётки.

Пышка поднимается на второй этаж. Отпирает ключом комнату номер три. Заходит. Расстилает в темноте постель. Укладывает мадмуазель Фифи. Раздевается и ложится рядом. Шепчет:

Как вам понравился, господин Корнюде, мадмуазель Фифи? Да, он герой. И он добрый. Он не хотел щипать меня, как другие мужчины. И не хотел снимать с меня одежду. Что вы гово-

рите, мадмуазель Фифи? Хочу ли я, чтобы он стал моим женихом, и мы бы поехали с ним на открытой повозке, и в нас бы бросали цветы и рис? Вы заставляете меня краснеть, мадмуазель Фифи. Не надо. Не говорите так. Этого все равно никогда не будет. Может быть, только во сне. В сегодняшнем. Давайте скорее спать, мадмуазель Фифи. Может быть, это, в самом деле, приснится нам. Спите, мадмуазель Фифи. Спите. А завтра другой день будет. Все хорошо завтра будет. И может быть, мы с вами проснёмся завтра и мы это не мы будем, а другие люди мы будем. Большие и настоящие, как господин Корнюде. Спите, мадмуазель Фифи. Спите. Все у нас хорошо будет. Спите, мадмуазель Фифи. Спите...

Мадмуазель Фифи закрывает глаза. Спит.

Пышка смотрит в потолок, слушает.

За стеной в соседней комнате марширует усатый офицер-немец. Он весь перетянут кожаными ремешками. В одной руке у него плётка, в другой – палка. Марширует офицер по комнате, команды разные выкрикивает, хлещет по воздуху плёткой. Смеётся.

По коридору бегут полуголые монашки-сиамские близнецы с чётками. Чётки побрякивают. На лице у старой монашки с ввалившимися глазами дикий ужас, у молодой – похоть.

За монашками на четвереньках поспевает хозяин Фоланви. В зубах у него связка ключей. Хозяин Фоланви похрюкивает, повизгивает. Чешется на ходу.

Идут по коридору граф и графиня. Несут флаг Франции. У графини усы и борода.

Следом за ними катит тележное колесо собственник Луазо. Рядом шествует его жена с золотыми зубами. Грызёт этими зубами орехи. Ядрышки выкидывает, а скорлупу глотает.

Внизу скачет в классиках Корнюде. Машет во все стороны саблей. Сделал неосторожное движение – порезал палец. Бросил Корнюде саблю, сунул палец в рот. Сел на пол, плачет, рыдает. Больно ему.

Снова офицер-немец марширует по комнате в кожаных ремешках. Снова бегут по коридору монашки-сиамские близнецы с четками. Снова звенят чётки...

А в городе Тот по-прежнему идёт снег. Кружится снег, дрожит снег в морозном воздухе. Ложится снег на крыши домов. А из домов голоса слышны. «Пруссия иметъ Франция!» - кричат голоса. «Пруссия иметъ вся Европа!» – кричат голоса.

И скрепят в каждом доме города Тот кровати. Скрипят по всей Франции кровати.

Пышка лежит в своей комнате, смотрит в потолок и думает о чем-то.

А вот о чём, не знает даже вся Франции. Весь мир не знает.

ТЕМНОТА

ЗАНАВЕС

КОНЕЦ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Кончился снег в городе Тот. Не идёт больше снег в городе Тот. Смолкли голоса в городе Тот. Уснул город Тот. Спит город Тот. Снятся сны городу Тот. Разные сны снятся городу Тот. Страшные и фантастические снятся. Добрые и веселые снятся. Сумбурные и не очень. Спит город Тот. Дышит тихо-тихо, словно ребенок. Не храпит город Тот. Спит.

И лишь в «Торговой гостинице» никто не спит. Горят свечи там. Жизнь там продолжается какая-то.

Лежит в комнате, что номер три, девушка Элизабет Руссе, Пышка которая. Смотрит Пышка в потолок. Думает о чём-то. Мечтает, может.

Сидит в комнате через стену офицер-пруссак, ус на палец крутит. Ждет кого-то. Прислушивается. В носу пальцем ковыряет.

А на первом этаже хозяин Фоланви всех вином угощает, колбасой, салом с чесноком, селедкой порченной. Пьяный уже Фоланви, глаза в кучу, язык заплетается. Петь ему хочется, женщину хочется.

И компания вся пьяная уже. Дремлет компания, носом в стол уткнувшись. Все пьяные. Даже монашки-сиамские близнецы пьяные. Выпили уже четыре бутылки бордоского. Вернее, молодая выпила, а захмелели вместе. Икают монашки с непривычки. Звенят чётки.

ХОЗЯИН. Пейте, кушайте, ешьте, жрите, господа покойнички. На том свете вас, поди, не скоро-то кормить будут. Пока грехи подсчитают, то-сё. Так что раньше обеда и не рассчитывайте. А кому и вообще откажут, как подсчитают всё... Так что пейте, кушайте, ешьте, жрите, господа покойнички. И мне спасибо говорите, что немчура ключи от чулана забыл.

Г-ЖА ЛУАЗО (держится за живот). Не идёт больше, сударь. Вот тут встало и дальше не двигается.

ХОЗЯИН. А вы вином толкайте, мадам. Проверено... (Пьёт, рыгает, чешется.)

Монашки икают. Чётки звенят.

Г-Н ЛУАЗО (оторвал голову от стола). Облака на небе появились оттого, что Колумб привёз из Америки табак. Теперь все курят табак и мы имеем возможность наблюдать это появление природы. А раньше не имели. Это моё собственное открытие, господа. Нужен патент...

Г-Ф ЮБЕР. (приподнял голову). А я слышал, что табак убивает лошадей. Напрочь.

Г-Н ЛУАЗО. Скоро лошади будут не нужны. Наука постарается и все смогут бегать на четвереньках. Как лошади. А если еще постарается, то и быстрее.

ХОЗЯИН. А подковы куда?

Г-Н ЛУАЗО. Туда. На ноги и на руки всем.

ХОЗЯИН. А есть чем? И девиц хватать?

Г-Н ЛУАЗО. Наука постарается и такая надобность отпадёт.

ХОЗЯИН. Совсем, что ли? А по нужде как?

Г-Н ЛУАЗО. Так...

ХОЗЯИН. Ну?

Г-Н ЛУАЗО. Точно. Я очень вседушь в подобных тонкостях материях. Апоплектический ум. (Стучит себя по голове.)

Монашки икают по очереди. Звенят чётки.

ХОЗЯИН. Дааа. Успевать надо, пока еще того... А монашки-то уж готовые, смотри. Заняться пора... Эй, девы святые... Пора вас в номер. А?

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ (плачет). Он назвал меня мерзкой дубиной. Но ведь это не так. Я очень женственна. Почти как... Даже более. Ведь так, сударь?

ХОЗЯИН. Так. Идёмте в номер, мадам. А то наука говорит, что скоро всё отпадёт. Надо успевать. Идёмте в номер...

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Вы и я?

ХОЗЯИН. Монашек еще возьмём. (Ржёт, чешется.)

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Зачем монашек?

ХОЗЯИН. Развращать. Только их надо сперва отсоединить...

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Вы мужлан!

ХОЗЯИН. Еще какой, мадам. (Ржет, чешется.)

Г-Ф ЮБЕР. (оторвал голову от стола). Я с вами, господа. Хочу кутить и разврата чёрного.

ХОЗЯИН. Нет. Вас мы не возьмем, сударь.

Г-Ф ЮБЕР. Почему это так?

ХОЗЯИН. У вас нос...

Г-Ф ЮБЕР. И у вас нос.

ХОЗЯИН. У меня не такой. Но может стать и такой, если мы вас с собой возьмём. (Ржет, чешется, пьёт, рыгает.)

Монашки икают по очереди. Чётки звенят.

Г-ф Юбер ложится на стол.

ХОЗЯИН. Ешьте, пейте, жрите, господа покойнички. Наедайтесь перед смертушкой. В аду-то вас кормить не будут.

Г-ЖА ЛУАЗО. Не идёт больше, сударь...

ХОЗЯИН. А мне идёт почему-то. (Ест.) Весь погреб съем напрочь и всё на вас спишу. Вам-то уж всё равно.

Г-Ф ЮБЕР (приподнялся над столом). Я тоже с вами не пойду, сударь. У вас чесотка.

ХОЗЯИН. А у вас нос – во... (Показывает.)

Г-Ф ЮБЕР. А у вас пузо, сударь.

ХОЗЯИН. А у вас бородавка на шее, сударь.

Г-Ф ЮБЕР. А у вас глаз косой, сударь.

ХОЗЯИН. А у вас... А вас завтра в расход зато пустят, сударь. И пятку прижгут. Ха-ха. (Ржёт, чешется.)

Г-Ф ЮБЕР. А вас... А вы дурак... (Лёг на стол, затих.)

Монашки икают.

Молчание.

КОРНЮДЕ (бормочет сам с собой). Она жертва политики подлеца Баденге. Мы будем рыть с ней траншеи и строить заграждения. А потом я женюсь на ней. У нас будут дети. Все как один демократы. Мы будем на гербе Франции. Я, она и наши детишки. Я в центре, а тут все остальные. По бокам... Всё. Решено. Женюсь. (Вскочил, громко.) Господа, я женюсь!

Все оторвали головы от стола.

ХОЗЯИН. На ком? Если на монашках, то они заняты, сударь.

КОРНЮДЕ. Господа, я женюсь!

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Я, к сожаленью, тоже занята, юноша?

КОРНЮДЕ. Я женюсь, господа.

Г-Ф ЮБЕР. На хозяйне не женитесь, сударь. У него чесотка и глаз в сторону. Испортите всё свое потомство.

КОРНЮДЕ. Я женюсь на ней, господа. (Показал пальцем вверх.)

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. На этой... той... которая...

КОРНЮДЕ. Ничего не говорите. Уже всё решено. Обвенчайте нас. Сейчас. Немедленно. Это не терпит отлагательств...

ХОЗЯИН. Вы, я вижу, забыли, сударь. Вас же завтра того... калёной железкой сперва, а потом к стенке. Бах, бах и в рай...

КОРНЮДЕ. Кто? Зачем?

ХОЗЯИН. Так. Для устрашения.

КОРНЮДЕ. И это больно?

ХОЗЯИН. Калёной железкой-то? Еще как, сударь. Ой, как больно. Я, помню, за кочергу взялся, так три дня потом мучился. Так это еще кочерга-то не докрасна была. Так себе. Вам-то, поди, до самой красноты доведут. До белоты. И по пяткам. И по пяткам. И по пяткам. Кричать верно, станете. Надо пойти посмотреть хоть будет...

Монашки икают.

Корнюде бледный.

Г-ЖА ЛУАЗО. Чего по пяткам?

ХОЗЯИН. Вам по пяткам. Кочергой калёной. А графу с графиней в подмышку сунут. Орать, поди, будууют. Надо непременно пойти...

У г-жи Луазо всё съеденное лезет назад. Она зажимает рот рукой.

Монашки икают. Звенят чётки.

КОРНЮДЕ. Тогда мы должны успеть обвенчаться до завтра... У нас еще должны родиться дети и стать демократами.

ХОЗЯИН. Ах, вон вы чего! Ну, проныра! Захотели перед смертушкой еще и того поделать. Тогда уж и меня венчайте. На монашках.

КОРНЮДЕ. Я не шучу, господа. Обвенчайте нас.

Г-Ф ЮБЕР. Да бросьте, сударь. Напейтесь лучше...

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ (её вдруг что-то осенило). Нет, нет. Пусть женится. Потом ему будет легче уговорить её. Чем я могу служить вам, юноша?

КОРНЮДЕ. Вы? Вы будите нести шлейф...

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Согласна.

Г-Н ЛУАЗО. Венчаться поп нужен.

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Будет поп. Кто будет патером, господа?

ХОЗЯИН. Я. (Потирает руки.) А монашки тогда в подчинении.

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Так. Патер есть. Граф тогда будет швырять рис.

ХОЗЯИН. Риса нет. Овёс только, мадам.

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Пусть будет овёс, ни всё ли равно. Я значит шлейф, граф рис, вы поп, а Луазо родителями тогда посаженными. А монашки хор.

ХОЗЯИН. У них же того... обет молчать.

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Помычат и довольны.

Монашки икают.

Или поикают просто. Ни всё ли равно.

Г-Н ЛУАЗО. Кольца еще надо.

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Кольца? Найдём кольца. (Смотрит по сторонам.) Вырежем вон из колбасной шкурки. Делов-то. (Берёт колбасу, отрезает два кусочка, снимает шкурку.) Вот и кольца готовы. Мерьте, сударь.

КОРНЮДЕ (надевает кольцо). Великовато.

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Да уж не привередничайте, во имя всего святого соборища. Усохнет, в самый раз будет. Скажите, граф.

Г-Ф ЮБЕР. Точно так. С мылом еще снимать будите, когда в бордель захотите сходить.

Г-Н ЛУАЗО. Что касается мыла, то это есть продукт противопоказанный...

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Помолчите, любезнейший. Человек жениться собрался, а вы... Ну что, юноша, всё готово для тайнодействия. Теперь ваш ход. Идите, делайте предложение невесте.

КОРНЮДЕ. Уже?

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. А чего ждать. Женились и всё.

Г-Н ЛУАЗО. Тут раздумывать опасно юноша. Невесту может увести кто-нибудь другой.

КОРНЮДЕ. Представьте себе, мне страшно, господа. Я рыл траншеи, устанавливал заграждения, пруссаки были в каких-то ста милях и мне не было так страшно...

Г-Ф ЮБЕР. Да не робейте вы, сударь. Плёвое дело. Когда я делал предложение графине, её отец держал клинок возле моего уха и грозил его отрезать – ему удалось нас застукать за известным занятием...

Г-ЖА ЛУАЗО. А мне мой Симон свалился прямо с неба – он крал в нашем саду яблоки и ветка не выдержала. У него сломалась рука и нога, а у меня – выпали все зубы и что-то хрустнуло в голове. Потом мы поженились...

ХОЗЯИН. Дааа. А мне моя старуха, чтоб ей в аду гореть, сама предложила. Наговорила, что состояния мильён и замок под Парижем в сто две комнаты. А у самой два горшка пустых приданого и мать мегера. Горшки-то через год разбились, а тёща осталась. Ой, и помучился, святой колорадский жук. Так что вы, сударь, лучше не женитесь вовсе. Ну его...

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Нет уж он женится, святой отец! Такие расходы на свадьбу и всё за зря, что ли? Не пойдёт. Идите, молодой юноша, и сделайте предложение невесте.

КОРНЮДЕ. А если она не согласится?

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Заплатите её тогда. Она ж того... Даёт. Берёт, то есть. Идите, сударь. Идите. (Подталкивает Корнюде к лестнице.)

Корнюде стоит на ступеньках.

А мы здесь пока всё приготовим. Рис и всё прочее. Падре, где ваша сутана?

ХОЗЯИН. Нету, мадам.

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Ничего. В скатерть вас завернём. (Корнюде.) Идите, сударь. Не стойте...

Корнюде поднимается на второй этаж.

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ (воодушевлено). Кажется, мы спасены, господа! Юноша познает уют очага и заботится умирать. А ей станет жалко своего мужа и она уступит немцу. Мы спасены, господа!

Г-ЖА ЛУАЗО. Но тогда она изменит своему...

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Ой, милейшая, кто у нас во Франции не занимается этим, во имя всего святого сборища. Покажите мне этого человека и я дам вам франк. (Г-ну Луазо.) Не вы ли это, сударь?

Г-Н ЛУАЗО. Мне бы хотелось сказать вам, что это так, сударыня, но порой обстоятельства складываются таким образом, что сдержать себя невозможно.

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Тогда это вы, граф?

Г-Ф ЮБЕР. Что ты, дорогая, я делаю это даже чаще, чем ты думаешь.

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Я тоже. Теперь убедились, мадам... Падре, тащите овёс...

Забегали по залу. Засуетились. Готовят свадьбу.

Завернули в скатерть хозяина. Вручили ему в руку ломоть сала вместо библии, повесили на шею ленту колбасы.

Установили в хор монашек. Те икают.

Присыпали пол овсом.

Кольца в тарелку из-под селедки склали.

А под конец еще распяли на стене курицу. Голова у курицы повисла – точь в точь Христос получился. Всё как надо, в общем, сделали. Атмосферу церковную один к одному воссоздали. Даже где-то перестарались.

Сели. Довольные. Ждут. Улыбаются. Жить им сразу захотелось...

А Корнюде стоит перед дверью в комнату с номером три. Стоит и постучать не решается.

Стучит, наконец, всё-таки.

Никто не отвечает.

Снова стучит Корнюде...

Входит.

Темно в комнате. Тихо.

Корнюде кашляет.

ПЫШКА (привстала на постели). Здравствуйте, сударь. Мы рады, что вы решили посетить заведение мадам Паран. Меня зовут мадмуазель Пышка. За скромную плату я предложу вам любые известные удовольствия. Обычные удовольствия стоят пятнадцать франков. С излишествами – двадцать пять. Если же сударю угодно просто смотреть, то это будет стоить пять франков.

КОРНЮДЕ. Это я...

ПЫШКА. Здравствуйте, сударь. Мы рады, что вы решили посетить заведение мадам Паран. Меня зовут мадмуазель Пышка. За скромную плату я предложу вам любые известные удовольствия. Обычные удовольствия стоят...

КОРНЮДЕ. Это я, мадмуазель, Корнюде. Демократ. Помните?

ПЫШКА. Здравствуйте, сударь. Мы рады...

КОРНЮДЕ. Мадмуазель! Это я – Корнюде.

ПЫШКА. Вы?.. Это вы?..

КОРНЮДЕ. Я...

ПЫШКА. Вы пришли стать моим женихом и везти меня на открытой повозке?

КОРНЮДЕ. Да. А откуда вы знаете?

ПЫШКА. Я... знаю, сударь... Я лежала, думала о вас и не заметила, как уснула. И теперь сплю. А это сон. Я захотела, чтобы вы приснились мне и вот вы мне снится. Я умею так делать. Я научилась так делать, когда мои родители отравились лекарством, которое им принёс лекарь, и мы с братом остались одни. Мы жили в нашем доме и нам нечего было кушать. И я придумала так делать. Мы мечтали, чтобы нам приснилось много еды и нам снились целые горы разных вкусов. И во сне мы наедались. Вот... А потом брата украли цыгане, а меня взяли к себе богатые господа. Они были очень добрые, поэтому кормили меня и поили. Еще они сказали, что за это я должна ложиться с ними в постель и смотреть, как они наваливаются друг на друга. А потом госпожа сказала, что мне пора, и господин сделал мне больно. После этого они отдали меня в другой дом и взяли взамен посудный шкаф. В том, другом, доме жили тоже очень добрые господа. Они тоже кормили и поили меня. Но иногда к ним еще приходили другие господа. Они играли в карты, а потом все вместе ложились в постель и брали меня с собой. Господа щипали и кусали меня. Но плакать мне было нельзя. Я должна была делать вот так. (Громко дышит.) Я не хотела так делать, но господа сказали, что я должна, иначе она скормят меня своему догу. А дог был большой и злой и я боялась его. Вот... А потом к ним пришла мадам Паран и выиграла меня у них в карты. И я стала жить у мадам Паран. Мадам Паран была очень добрая и разрешила мне поставить в своей комнате домик для мадмуазель Фифи. И еще мадам Паран разрешила мне занять комнату, из которой видно церковь. Каждую субботу в церкви венчали женихов и невест, и потом они уезжали на открытых повозках, и в них сыпали рисом и цветами. Мне нравилось смотреть на них, и я мечтала, чтобы мне приснилось, как я еду на такой же повозке. Но мне всегда снилось, что я еду одна, потому что все господа, которые приходили к мадам Паран, мне не нравились. Они хотели щипать и раздевать меня. А вы мне понравились, господин Корнюде. И вот вы мне снится.

КОРНЮДЕ. Это не сон, сударыня.

ПЫШКА. А что же это?

КОРНЮДЕ. Это явь.

ПЫШКА. Не говорите так, сударь.

КОРНЮДЕ. Но вы не спите. Ущипнете себя... Ущипните...

ПЫШКА. Зачем, сударь?

КОРНЮДЕ. Что бы убедиться, что это не сон.

ПЫШКА. Но я не хочу, сударь. Я не хочу, чтобы это не было сном. Во сне мне никогда не бывает больно...

КОРНЮДЕ. Ущипните, сударыня.

ПЫШКА. Слушаюсь, сударь.

КОРНЮДЕ. Скорее...

Пышка щиплет.

Больно?

ПЫШКА. Больно.

КОРНЮДЕ. Вот видите.

ПЫШКА. Значит, мы не поедим с вами на открытой повозке и вы не будите моим женихом?

КОРНЮДЕ. Буду, сударыня. Я пришел просить вас стать моей женой.

ПЫШКА. Зачем вы меня обманываете, сударь?

КОРНЮДЕ. Я не обманываю вас. Мы будем мужем и женой. Мы будем рыть траншеи и устанавливать заграждения. Мы спасём Францию. А потом у нас родятся дети. Все как один демократы. Вы согласны?

Пышка не отвечает.

Вы согласны, сударыня?

ПЫШКА. Я не знаю, господин Корнюде. Мне кажется, что вы меня обманываете, чтобы не платить за удовольствия. Если вам надо только это, то я и так не возьму с вас денег. (Развязывает ляжку на ночнушке.) Вы хотите простых удовольствий или с излишествами, сударь?

КОРНЮДЕ (вдруг злобно). Прекратите! Я не потерплю! Я демократ! Я пришёл не за этим! Я пришел просить вас стать моей женой!

ПЫШКА. Не кричите. Вы разбудите, мадмуазель Фифи.

КОРНЮДЕ. Так вы согласны или нет?! Отвечайте! У меня нет времени!

ПЫШКА. Зачем я вам нужна, сударь?

КОРНЮДЕ. Вы нужны Франции.

ПЫШКА. Но я же... Меня же... Я же грязная и порочная грешница. И мне гореть в аду триста лет. Так сказала графиня госпоже Луазо, когда мы ехали в дилижансе. И это действительно так... Я же шлюха, сударь.

КОРНЮДЕ. Франция вас прощает.

ПЫШКА. А вы, сударь?

КОРНЮДЕ. Я? Что я? Прежде всего Франция, а потом уже я. Идёт война и мне никогда думать о себе. Это просто преступно. Я должен думать о Франции. Я не имею права размениваться на мелочи. И я женюсь на вас только ради Франции.

ПЫШКА. Значит, вы не любите меня? Нет?

КОРНЮДЕ. Любовь – это забава для пошляков-буржуев. Мы же с вами борцы и обличители, сударыня. Нам не пристало тратить своё время и силы на такой пустяк. Каждая секунда нашей жизни должна посвящаться борьбе...

ПЫШКА. С чем, сударь?

КОРНЮДЕ. С чем-нибудь. Лишь бы бороться. А любви для нас не должно существовать.

ПЫШКА. Но я, кажется, уже почти...

КОРНЮДЕ. Хватит, сударыня. Скажите только одно - вы согласны? Да или нет. Иначе я уйду.

ПЫШКА. Да, сударь. Я согласна, сударь.

КОРНЮДЕ. Вы приняли верное решение. Франция будет вам благодарна.

ПЫШКА. Спасибо, сударь.

КОРНЮДЕ. Идёмте. Всё готово. Нас ждёт священник.

ПЫШКА. Священник?

КОРНЮДЕ. Да. Он внизу. Всё готово. Идёмте.

ПЫШКА. А можно я возьму мадмуазель Фифи? Она любит смотреть свадьбы.

КОРНЮДЕ. Только быстро.

ПЫШКА. Хорошо, сударь. Отвернитесь, сударь.

Корнюде отворачивается.

Пышка встаёт с постели, одевается. Легонько трогает куклу.

ПЫШКА. Проснитесь, мадмуазель Фифи. Проснитесь...

Кукла открывает глаза.

Я выхожу замуж, мадмуазель Фифи. Господин Корнюде сделал мне предложение, мадмуазель Фифи. Уже всё готово. Священник ждёт нас внизу. Будет настоящее венчание. Такое же, как мы видели в окно, мадмуазель Фифи. И мы даже поедим с господином Корнюде на открытой повозке и в нас будут бросать рис, мадмуазель Фифи. Настоящий рис, мадмуазель Фифи. И вас мы тоже возьмём с нами, мадмуазель Фифи. Вы рады, мадмуазель Фифи?

Кукла кивает.

КОРНЮДЕ. Скорее.

ПЫШКА (берёт куклу на руки). Я готова, господин Корнюде. Я готова стать вашей женой, господин Корнюде.

КОРНЮДЕ. Тогда идёмте.

ПЫШКА. Идёмте.

Корнюде берёт Пышку за руку, открывает дверь.

Идут по коридору. Корнюде высоко и гордо держит голову. Пышка скромно смотрит в пол. Мадмуазель Фифи улыбается, глядит по сторонам.

Подходят к лестнице. Начинают медленно почти торжественно спускаться.

Обитатели первого этажа занимают свои позиции.

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Приготовились, господа... Начали!

ВСЕ. Ура! Ура! Ура! Да здравствует жених! Да здравствует невеста! Ура! Ура!

Кричат. Швыряют в Корнюде и Пышку горсти овса. Ликуют.

Пышка улыбается. Счастливая.

Корнюде уворачивается от овса.

Монашки икают. Четки звенят.

Хозяин Фоланви чешется, подбрасывает в руке сало-библию.

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Довольно, господа. Теперь непосредственно венчание. Приступайте.

ПЫШКА. А где же священник?

ХОЗЯИН. Я священник, сударыня.

ПЫШКА. Но вы же...

ХОЗЯИН. Не волнуйтесь, обвенчаю так, что потом вовек не развенчае­тесь. Как монашки вон вместе станете. Чудом природы. (Откусил колбасу от ленты на шее, чешется, ржёт.)

Монашки икают. Чётки звенят.

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Начинайте, падре.

ХОЗЯИН (жуёт). Пойдите-ка сюды, дети мои... (Рыгает.)

Корнюде и Пышка подходят.

Так. Вот так. Всё. Стойте. Молодцы. Так... Чего говорить-то там надо?

Г-Ф ЮБЕР. Про небеса чего-то, сударь.

ХОЗЯИН. Про небеса, значит, говорите, сударь. Можно и про небеса... А чего про небеса-то надо?

Г-Н ЛУАЗО. Зачем же тогда патером вызвались, если не знаете? Давайте я буду...

ХОЗЯИН. Сидите. Знаю я всё. (Чешется.) Про небеса, значит... Можно и про небеса... Так... Чего там у нас на небесах-то... (Смотрит на сало, как на книгу.) Да. Вот. Дети мои, говорю вам истинно и вовеки веков, что ежели на небесах тучи, то быть дождю, а ежели туч на небесах нет, то их может нагнать и всё равно быть дождю. Аминь. Во как! (Ржет, чешется.)

Монашки икают. Чётки звенят.

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Дальше, падре.

ХОЗЯИН. Можно и дальше. Дети мои, говорю вам истинно и во веки веков, что ежели на небесах туч нет, то дождю не быть, а ежели на небесах всё ж есть тучи, то их может согнать и дождю всё равно не быть. Аминь. (Ржёт, чешется.)

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Дальше, падре.

ХОЗЯИН. Опять про небеса?

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Спросите, согласны ли они.

ХОЗЯИН. Ага. Кажись, чего-то припоминаю. Так. (Корнюде.) С вас начнём. Согласен ли вы, сударь, взять в жёны эту невесту вашу?

КОРНЮДЕ. Да, сударь.

ХОЗЯИН. Хорошо подумали?

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Подумал он. Её теперь спрашивайте, падре.

ХОЗЯИН. Цыц! Не прерывайте святого процесса. Я тут священник. (Корнюде.) Хорошо подумали, сударь?

КОРНЮДЕ. Да, святой отец.

ХОЗЯИН. Ну и дурак, сударь. Помучаетесь потом с мамашкой её, помяните моё слово.

КОРНЮДЕ. Она сирота, падре.

ХОЗЯИН. Тогда молодец. Одобряю. Правильный сделал выбор... А вы, мамзель, согласны?

ПЫШКА. Да, святой отец.

ХОЗЯИН. Чего сразу-то так? Поломайтесь сперва хоть, покапризьте для блезиру, как приличной барышне положено.

ПЫШКА. Я согласна, святой отец.

ХОЗЯИН. Ладно. Ваше дело. Так... (Смотрит на сало, делает вид, что читает.) Чего дальше-то? А. Вот. Нашёл. Имеется ли тут кто-нибудь такой, кто знает чего-нибудь такое, из-за чего эти жених с невестой не могут стать мужем и женой? Если кто-нибудь знает чего-нибудь такое, говорите щас или заткнитесь навеки.

Монашки икают.

ХОЗЯИН. Монашки не в счёт. Других нету?

Пауза.

Тогда... Тогда... Тогда... Объявляю вас мужем и женой. Всё. Напяливайте кольца, целуйтесь и станем пьянствовать. (Ржет, ест колбасу, чешется.)

Корнюде одевает Пышке колечко из колбасной шкурки. Целует её в лоб.

Пышка улыбается. Счастливая.

Монашки икают. Чётки звенят.

ВСЕ. Ура! Ура! Ура! Ура! Поздравляем! Поздравляем! (Швыряют в Корнюде и Пышку овсом.)

Хозяин жмёт Корнюде руку. Прослезился.

ПЫШКА. А где же повозка?

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Какая вам еще повозка, милочка? Страна на военном положении.

ХОЗЯИН. Будит вам повозка, мадам. (Уходит, возвращается с садовой тележкой на одном колесе.) Прошу...

ПЫШКА. Идемте, господин Корнюде.

КОРНЮДЕ. Туда?

ПЫШКА. Туда. Идемте. (Берёт Корнюде за руку, тянет.)

Залезают в тачку.

ХОЗЯИН. Прикажите ехать, мадам?

ПЫШКА. Да, сударь.

ХОЗЯИН. Тогда поехали.

ПЫШКА. Поехали! Поехали!

ХОЗЯИН. Пошла, родимая! Но! Но! Но! (Везёт тачку вокруг стола.)

ВСЕ. Ура! Ура! Ура! (Швыряют в тележку овсом.)

Пышка смеётся, хлопает в ладоши.

Корнюде кисло улыбается.

ХОЗЯИН. Пошла, родимая! Пошла!

ПЫШКА. Пошла! Пошла!

Хозяин везёт тачку, ржёт, пыхтит, потеет.

Летит в тачку овёс.

Пышка смеётся, плачет, глотает слёзы. Снова смеётся. Прижимает к себе мадмуазель Фифи.

Мадмуазель Фифи тоже смеётся и плачет.

Монашки хлопают в ладоши. Танцуют, задирая ноги как в кабаре.

Все кричат. Ликут. Бегут за тачкой. Швыряют в тачку овсом.

Гремит вся «Торговая гостиница», дрожит, ходуном ходит. С потолка известка сыплется. С полок посуда падает. Разбивается посуда. Раскачивается во все стороны светильник-колесо под потолком. Вот-вот рухнет светильник. Вот-вот весь постоялый двор рухнет.

И лишь Корнюде сидит в тачке с каменным лицом. Грустно вдруг ему почему-то стало, невесело...

ПЫШКА (пытается перекричать шум-гам). Спасибо вам, господа! Я так счастлива, господа! Вы самые добрые господа на свете! Я никогда не забуду вас, господа! Я буду всю жизнь вам благодарна, господа! Всю жизнь, господа! Спасибо вам! Спасибо! Спасибо! Спасибо!.. (Смеётся, плачет.)

И вдруг...

Мгновенная тишина.

Все застывают на своих местах, словно соляные столбы.

Не шевелятся.

На лестнице стоит офицер-пруссак в белых панталонах на подтяжках. В руке у офицера пистолет.

Пауза.

ОФИЦЕР. Чего ето есть тут такое за дурдём?

ХОЗЯИН (тяжело дышит). Это ни есть дурдом, сударь. Это есть свадьба.

ОФИЦЕР. Ни нато вещать мне лапша на уко. Ето есть дурдём.

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Вы не правы, сударь, во имя всего святого сборища. Это свадьба. Вот этот господин только что обвенчался с этой госпожой.

ОФИЦЕР. Ето есть так?

Монашки икают.

ОФИЦЕР. Я фас не спрашивать!

ХОЗЯИН. Так, сударь. Я был попом и кучером.

ОФИЦЕР. И фас я не спрашивать. Я спрашивать у тот каспатин. (Показывает на Корнюде.) Ето есть так?

КОРНЮДЕ. Так точно, сударь. Эта женщина моя жена.

ОФИЦЕР (идёт по залу). ...Карашо... Карашо... Карашо... Значит, мазель проминять мой неотразимый красата на етог облезлый кот каспатин, который есть какачка... Карашо... Карашо... Карашо... (Вдруг кричит, машет руками.) Плёко! Плёко! Плёко! Мазель нанести мне смертельный опита! Мазель ущемить мой мужской достоинств! Я есть злой! Я буту чичас буянить! Я буту чичас депоширить! Я буту фам показать кузкина мать! Я буту убивать этот какачка каспатин! (Направил на Корнюде пистолет.)

ПЫШКА. Не смейте! (Закрыла собой Корнюде.)

ОФИЦЕР. Я убивать этот каспатин.

ПЫШКА. Нет! Пожалуйста!

ОФИЦЕР (плачущим голосом). А зачем мазель променять мой неотразимый красата на етог каспатин. Зачем мазель обмануть миня. Я любить мазель. Я хотеть мазель. У миня ище никакта не быть мазель. Я быть ище девствинник. (Сел на стул, плачет.) О, мамачка мой! О, я ничасный! О, я петный!..

ХОЗЯИН (Корнюде). Берите саблю, сударь, и того его...

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Давайте, сударь...

Г-Ф ЮБЕР. Спасите всех нас, сударь...

Корнюде не двигается.

ХОЗЯИН. Скорее...

КОРНЮДЕ (шепотом). Я боюсь...

ХОЗЯИН. Скорее...

КОРНЮДЕ. Я боюсь...

ОФИЦЕР (перестал плакать, встал, Корнюде). Я хотеть фысывать фас на дуель. Ми бутим драться за мазель до смерть. Фи есть согласен?

Корнюде колеблется.

ОФИЦЕР. Фи есть согласный?

КОРНЮДЕ. ...Да, сударь.

ОФИЦЕР. Карашо. Я к фаш прислуга. Фи бутит драться калбаса, а я стрелять в фас из пистолет. Карашо?

ПЫШКА. Это нечестно!

ОФИЦЕР. Сато его карашо.

ПЫШКА. Так нечестно!

ОФИЦЕР. Мазель бутит стоять там. (Указал в сторону.)

ПЫШКА. Я никуда не пойду.

ОФИЦЕР. Мазель нато стоять там.

ПЫШКА. Это нечестно. Так нечестно. Вы трус.

ОФИЦЕР. Я ести ни трус, но я есть боюс. (Хозяину). Фи убрать мазель. (Остальным.) А фи помогать иму. Бистро! Выпонять!

Хозяин, граф с графиней и Луазо обступают Пышку, пробуют оттащить её от Корнюде.

ПЫШКА. Нет! Так нечестно! Он убьёт его! Отпустите меня! Пожалуйста!

Оттащили Пышку. Та вырывается. Кричит.

Ей затыкают рот.

ОФИЦЕР (Корнюде). А фи брать калбаса и зачичатся. Бистро! Выпонять!

Корнюде колеблется.

Я сказать – бистро! Бистро, качачка!

Корнюде берет колбасу.

Офицер направляет на Корнюде пистолет.

Монашки икают. Чётки звенят.

Пауза.

ОФИЦЕР. Я буту получить удовоствия от етот дуель. Я буту стрелять фам в голова и фаш голова бутит разлетаться на фесь четыре сторона. Фам бутит боно-боно и фи бутит умирать в конвульсия. Фи хотеть умирать в конвульсия?

КОРНЮДЕ. Нет, сударь.

ОФИЦЕР. Фи хотеть умирать в агония?

КОРНЮДЕ. Нет, сударь.

ОФИЦЕР. Как жи фи хотеть умирать?

КОРНЮДЕ. Я не хочу умирать, сударь.

ОФИЦЕР. Но фи должин умирать. И чичас фи умирать. (Вытянул руку с пистолетом.)

КОРНЮДЕ (упал на колени, выронил колбасу, плачет). Пожалуйста, сударь... Я боюсь, сударь... Я не хочу умирать... пожалуйста...

ХОЗЯИН. Готов демократ...

ОФИЦЕР. Фи молить миня?

КОРНЮДЕ. Умоляю, сударь!

ОФИЦЕР. Ище молить. Бистро!

КОРНЮДЕ. Пожалуйста, сударь! Я так молод! Я буду делать всё, что вы прикажите! Я буду нюхать ваши портянки! Пожалуйста, сударь...

ОФИЦЕР. Карашо. Тогда фи просить мазель.

КОРНЮДЕ. Хорошо, хорошо. Мадам... Спасите меня мадам! Ради наших детей, мадам! Ради нашей любви, мадам! Ради Франции, мадам! Я нужен Франции, мадам! Она погибнет без меня, мадам! Пожалуйста, мадам! (Плачет, скулит.)

ОФИЦЕР. Кватит. Фи отпустить иё.

Пышку отпускают.

ОФИЦЕР. Мазель согласен?

КОРНЮДЕ. Пожалуйста...

ВСЕ. Соглашайтесь, соглашайтесь, соглашайтесь...

Монашки икают.

ОФИЦЕР. Мазель согласен?

ПЫШКА. Да. Я согласна.

Вздых облегчения.

ОФИЦЕР. Карашо. Ето есть очинь карашо. Я буту делать этот каспатин рока. Делать очинь бошие рока. Но сато я никоко ни пытат калёный железака и всех отпускать.

ХОЗЯИН. Жалко...

ОФИЦЕР (хозяину). А фи давать каспатам ета. Много ета. И давать вино.

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Спасибо, сударь! Ваше великодушие просто не знает границ.

Г-Ф ЮБЕР. Рады стараться, сударь.

Г-Н ЛУАЗО. А я всегда верил, что наука не позволит этому случится. Я слишком ценен для неё.

Г-ЖА ЛУАЗО. А я значит, всё-таки куплю себе золотые зубы и смогу грызть ими орехи и тыквенные семечки. Какое счастье, господа! Я так люблю орехи и тыквенные семечки, господа! (Улыбается, цветёт и прочее.)

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. А я удалю усы, господа! Новым раствором доктора Гильотена, господа! Говорят, он действует даже в самых запущенных случаях, как у меня.

ОФИЦЕР. Кончать басар!

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Как будет угодно, достопочтимому сударю. Слово достопочтимого сударя – закон.

ОФИЦЕР. Тико!

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Слушаемся, сударь.

ОФИЦЕР. Мочать!

Все затихли.

Только монашки икают.

ОФИЦЕР. Чичас ми с мазель ити в мой хауз и если фи бутит поглядывать в замочный щелка, я бутит стрелять в щелка из пистолет. Яцно?

Г-Ф ЮБЕР. Какие вопросы, сударь. Всё ясно.

ОФИЦЕР. Карашо. Мазель нато ити.

ПЫШКА. Возьмите кто-нибудь мадмуазель Фифи, господа.

ХОЗЯИН. Давайте мне, мадам. (Берёт у Пышки куклу.)

ПЫШКА. Берегите её, сударь.

ХОЗЯИН. Постараюсь, мадам.

ОФИЦЕР. Нато ити. Мне есть ни терпится.

ПЫШКА. До свиданья, господа.

ВСЕ. До свиданья. До свиданья. Приятной ночки, господин офицер. (Улыбаются, переполняются чувствами, пышат счастьем.)

Офицер и Пышка поднимаются по лестнице.

Пауза.

Монашки икают. Звенят чётки.

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Слышите, господа? Уже, кажется, начали...

Все прислушиваются.

Г-ЖА ЛУАЗО. Это просто возмутительно, господа. Так запросто отдаться первому встречному. Да еще Пруссаку. Куда катится наша страна? Жуть...

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Жуть...

Г-Ф ЮБЕР. А я им завидую, господа. Тихая романтическая ночь и никто не мешает. Романтика. Может быть, и нам забраться в номер и предаться черному разврату? Всем вместе. Я слышал в какой-то стране это очень даже распространено. А, господа?

Г-Н ЛУАЗО (поглядел на графиню, мечтательно). Иногда научному уму неплохо отдохнуть от всяких изысканий...

Г-ЖА ЛУАЗО (вонзилась страстным взглядом в графа). А я всегда и во всем разделяю желания своего мужа, господа...

Г-НЯ ДЕ БРЕВИЛЬ. Я тоже за.

Г-Ф ЮБЕР. Гарсон, ключ от комнаты. От одной.

ХОЗЯИН. Номер четыре. (Кинул графу ключи.)

Г-Ф ЮБЕР. Вперед, господа!

Бросились по лестнице.

Граф на ходу щупает г-жу Луазо за зад. Та довольно повизгивает.

Графиня пытается поцеловать г-на Луазо.

ХОЗЯИН. Дааа. Век живи, век – удивляйся. (Кукле.) Да, мазель? Пора и мне святыми девами заняться. Номер один в вашем распоряжении, девочки.

Монашки побежали наверх, звеня чётками.

ХОЗЯИН. Даааа. Весёленькая ночка будет. (Поглядел на куклу.) Да, мазель? (Бросил куклу на пол, идёт по залу, задувает свечи, Корнюде.) Идите спать, сударь. Ночь уже...

Корнюде не отвечает.

Не хотите? Дело ваше. А я пошёл. Святые девы ждут... Славная ночка впереди...

Корнюде молчит.

Хозяин задул все свечи. Одну взял с собой. Идет с ней по лестнице. Скрылся.

Темно стало.

Сидит Корнюде в темноте. Сидит и слушает.

Кричит в своей комнате пруссак-офицер. Визгливо и громко кричит. «О, мазель! - кричит, - О, мазель!»

Бегут по коридору полуголые монашки-сиамские близнецы. Смеются монашки. Звенят на монашках чётки.

Ползёт на четвереньках за монашками хозяин Фоланви. Рычит Фоланви, хрюкает, чешется. Слюни у Фоланви на пол капаяют.

Строем маршируют по коридору граф с графиней и Луазо. Голые все. Рваный флаг Франции над головой несут. Смеются. Песни орут. Щупают друг друга. Визжат нечеловечески. Маски у них звериные на лицах.

И снова кричит офицер: «О, мазель! О, мазель!»

И снова бегут монашки, четками побрякивая...

Корнюде вдруг хватает саблю и рубит куклу на полу. Мадмуазель Фифи рубит.

И сразу везде темно делается. Смолкает всё сразу. Тихо.

А к городу Тот рассвет стремительно приближается. Совсем близко уже рассвет.

И вот уже светло снова. Утро...

И хозяин Фоланви снова сидит на первом этаже своего заведения. Сидит и чешется.

А со второго этажа Пышка спускается.

ПЫШКА. Доброе утро, сударь.

ХОЗЯИН. А, вы, мадам. Доброе, доброе. (Лыбится, чешется.)

ПЫШКА. А где..?

ХОЗЯИН. Кто?

ПЫШКА. Все.

ХОЗЯИН. А, эти... Уехали. Провизии набрали и в путь. И монашки тоже...

ПЫШКА. А господин Корнюде?

ХОЗЯИН. Муж-то ваш? Этот самый первый засобирался. Славный малый...

ПЫШКА. А как же я, сударь?

ХОЗЯИН. А вы здесь остаётесь.

ПЫШКА. Я не могу. Я должна рыть траншеи с господином Корнюде...

ХОЗЯИН. Отработаете и пожалуйте.

ПЫШКА. Что я должна отработать, сударь?

ХОЗЯИН. Так ведь муженек-то ваш без гроша оказался, за комнату и харч заплатить нечем, вот он мне вас и отдал за долг... Всё как надо, даже бумажку оставил.

ПЫШКА. Как?

ХОЗЯИН. Так... Бумага на графской гербовой бумаге писана. Всё, как надо. Так что, мадам, будите мне женой теперь. И по хозяйству. Кстати, убрать бы не мешало. Как думаете? Метла там... Можите приступить... (Лыбится, чешется.)

Пышка молча берет метлу. Начинает подметать пол. Замечает куски куклы на полу. Садится, собирает их в руки. Качает, как младенца. Поёт тихо-тихо что-то. Плачет тихо-тихо.

А хозяин Фоланви всё чешется и чешется.

А по заснеженной дороге катит чёрный дилижанс. Везёт дилижанс графа и графиню, супругов Луазо и борца-обличителя Корнюде. А также двух святых дев при них. И все в том дилижансе счастливы очень и довольны. Улыбаются и смеются все. Смеются и улыбаются...

Звенят чётки...

ТЕМНОТА

ЗАНАВЕС

КОНЕЦ